

**ЦИВИЛИЗАЦИИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗМА.
К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.С. ПАНАРИНА**

Тематический выпуск кафедры философии политики и права
Философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Electronic Scientific Edition Almanac Space and Time volume 9, issue 1

CIVILIZATIONS IN THE AGE OF GLOBALISM,

ON THE OCCASION OF 75TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF ALEXANDER S. PANARIN

Thematic Issue of the Chair of Philosophy of Politics and Law, Philosophical Department of Lomonosov Moscow State University

Elektronische wissenschaftliche Auflage Almanach 'Raum und Zeit' Band 9, Ausgabe 1

ZIVILISATIONEN IN DER ÄRA DES GLOBALISMUS.

ZUM 75. GEBURTSTAG VON A.S. PANARIN

Die thematische Ausgabe des Lehrstuhls für Philosophie der Politik und des Rechts der Philosophischen Fakultät der Moskauer M.W. Lomonossow Staatsuniversität

Философия политики А.С. Панарина

*Alexander S. Panarin's Political Philosophy /
politische Philosophie von A.S. Panarin*

УДК (167:303)Панарин

Расторгуев В.Н.

**Политическая теория и аналитика
Александра Панарина**

Расторгуев Валерий Николаевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии политики и права Философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

E-mail: rv1812@yandex.ru

Статья посвящена осмыслению научного и аналитического наследия одного из наиболее ярких современных мыслителей — А.С. Панарина, в творчестве которого особое место занимают проблемы, возникающие в процессе межкультурных взаимодействий в современном мире на фоне качественного изменения глобального политического климата. Предметом исследования стал и непростой жизненный путь Панарина, и особенности его творческого метода, которые позволили ему стать основателем успешно развивающейся российской научной школы и оригинального направления политической философии, а также характерный для его творчества четко прописанный и тщательно отрефлексируемый цивилизационный подход. Акцентируется внимание на наиболее продуктивном этапе работы ученого, который пришелся на период начала формирования и институционализации в постсоветской России политических наук. Особое внимание уделено последним работам Панарина, в которых раскрывается природа глобальной стратегической нестабильности и специфика православной цивилизации.

Ключевые слова: концептуальная реконструкция, цивилизационная идентичность, научное наследие, политическая теория и аналитика, стратегическая нестабильность, Православная цивилизация, глобальное прогнозирование, политическое табуирование.

О свободе «иначе-возможного»

Интерес к научному наследию Александра Сергеевича Панарина повышается с каждым годом: привлекает и его ярко выраженный прогностический дар, который становится тем очевидней, чем чаще его средне- и долгосрочные прогнозы сбываются, и органическое единство безупречно высокого научного стиля с темпераментной публицистичностью, и, что не менее важно, удивительная узнаваемость речи. Каждый, кто читал его книги и статьи, легко определит принадлежность цитат, взятых из его текстов, как, впрочем, и «заимствования» без упоминания имени автора, что также иногда встречается. О востребованности идей Панарина говорит и тот факт, что с 2003 года, когда Александр Сергее-

РАСТОРГУЕВ В.Н. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И АНАЛИТИКА АЛЕКСАНДРА ПАНАРИНА

вич ушел из жизни, в Москве проходят ежегодные Панаринские чтения — широко известный форум с международным участием, посвященный изучению научного и аналитического наследия выдающегося ученого, оставившего после себя множество учеников и последователей, заложившего основу самостоятельной научной школы.

V Панаринские чтения «Духовная и политическая власть»
27 декабря 2007 г., Паломнический центр
Московского патриархата

XII Панаринские чтения «Цивилизационный контекст и
экспертное обеспечение государственной политики России»
20 ноября 2014 г., Философский факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Наиболее продуктивный этап его работы пришелся именно на тот период, когда в «постсоветской» России только начинался процесс формирования и институционализации политических наук. Этот процесс и сегодня идет с большим трудом: чрезвычайно велика инерция эпохи, для которой были характерны полное слияние политической теории и политической идеологии, находившейся вне конкуренции на «внутреннем рынке идей», концентрация власти в руках одной партии и тотальная ангажированность социальных (идеологических) наук. Слишком долго политическое знание рассматривалась исключительно в императивном плане — как жестко систематизированная система методологических и поведенческих установок, алгоритмов мышления и парадигм, четко очерчивающих выбор предметной области и самого исследовательского инструментария, методов аргументации и категориального аппарата. Любые изменения «линии» предполагали неукоснительное обновление механизмов управления наукой и образованием (отсюда известное в те годы выражение «колебаться вместе с линией»).

Эта система была, по сути, полностью изолирована от традиционных и новых научных направлений и школ, динамично развивавшихся в западных странах. Подобная изоляция не препятствовала, впрочем, осуществлению вполне качественного аналитического мониторинга, необходимого для получения достоверной информации, которая по-прежнему ставилась «компетентным лицам» в структурах власти и в экспертном сообществе, и, конечно, для аргументированной критики «буржуазной науки», рассчитанной на массовую аудиторию. Но это было, пожалуй, единственное «открытое окно в чужой мир». В целом же «верность линии» не допускала ни альтернативных подходов к кругу четко обозначенных проблем, ни тем более возникновения сколько-нибудь самостоятельных и тем более конкурирующих научных школ, течений и парадигм.

В такую модель Александр Сергеевич если и вписывался, то только в плане «мониторинга» наиболее интересных западных публикаций. Этой работой он и занимался многие годы, что впоследствии позволило ему сохранить взвешенное и остро критическое отношение ко всему, что всплывало на поверхность отечественного научного и политического дискурса в той информационной лавине, которая обрушилась на массового потребителя и «производителя» знаний. А именно это и произошло после того, как была в одночасье разрушена «защитная дамба» промарксистской, но чаще откровенно псевдомарксистской идеологии.

Что же изменилось в нашей стране после крушения «дамбы»? Много, но только не отношение к собственным «мозговым центрам», и тем, кто мог бы стать генератором оригинальных идей, если бы они были востребованы «властной вертикалью». Однако этого и не произошло — ни возникновения «раскрученных» национальных центров, ни желания власти заменить или хотя бы пополнить армию заезжих консультантов теоретиками и экспертами, выросшими на отечественной почве. «Смена эпох» была осуществлена в рамках все той же проверенной модели — путем директивной

РАСТОРГУЕВ В.Н. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И АНАЛИТИКА АЛЕКСАНДРА ПАНАРИНА

смены установок и усиления роли «менеджеров» (комиссаров нового типа, но с тем же набором качеств, подготовленных в западных «спецшколах для аборигенов»). По этой причине «модернизация» социальных и политических знаний свелась к разработке системы стандартов, во многом механически копирующих западную модель управления политической наукой. Но, разумеется, с поправкой на полное отсутствие на старте собственных политологических школ и «фабрик мысли», которые в западных странах работают во многом благодаря отлаженному функционированию особой технологии — системе «политическо-аналитических лифтов».

Под этой особой технологией поразумеваются циклическая смена ролей, предполагающая встречное перемещение аналитиков и политиков с этажа «Наука и аналитика» на этаж «Власть и политика» и обратно. Такое передвижение «мыслящих голов» повторяется при каждом обновлении властной вертикали, что является нормой в условиях реально функционирующей многопартийной системы. Именно эти «лифты» поддерживают тесную связь экспертного сообщества с институтами власти. При полном отсутствии подобного механизма методологический поиск сводится (и это уже наш опыт) к механическому и чаще всего некритическому заимствованию образцов и парадигм, сложившихся в западной политологии в конце XX века.

На этом фоне выделяются и жизненная позиция, и научная деятельность Панарина. Ему удалось соединить высокую культуру философской мысли, опирающейся на западную и отечественную традицию, в том числе и богословскую, святоотеческую, с самостоятельным поиском новых подходов в области политической аналитики и прогнозтики на основе четкого понимания национальных интересов. О необходимости глубокого и всестороннего изучения наследия Панарина, которое вобрало в себя опыт философского познания добра и зла в приложении к политической жизни России, говорил Святейший Патриарх Кирилл, обращаясь к научному сообществу в момент, когда Предстоятелю присуждалась степень *honoris causa* Московского государственного университета (28 сентября 2012 г.). Его Святейшество особо отметил:

«Как писал наш современник, а для многих из вас и коллега — замечательный философ, политолог и публицист Александр Сергеевич Панарин, идентичность русских людей скреплял православный идеал священного царства, основанный на высшей правде и жертвенном служении вере» [*Речь Святейшего Патриарха Кирилла... 2012*].

В книге «Православная цивилизация в глобальном мире», на которую ссылался в данном случае Предстоятель Русской Православной Церкви, Панарин акцентировал внимание на дилемме, навязываемой радикалами прозападнического толка. По их мнению,

«либо России удастся стать западной страной, либо она недостойна существовать вообще, так как в своем традиционном виде представляет вызов "цивилизированному человечеству", а также, надо полагать, собственному "цивилизированному" меньшинству... Таким образом, вопрос о цивилизационной идентичности России, о ее праве быть не похожей на Запад, иметь собственное призвание, судьбу и традицию, на наших глазах превращается в вопрос о нашем праве на существование вообще, о национальном бытии как таковом» [*Панарин 2014, с. 41*]¹.

¹ В этом объемном издании представлены сразу две последние книги Панарина: «Православная цивилизация в глобальном мире» и «Стратегическая нестабильность в XXI веке». Именно на эти работы мы и будем преимущественно ссылаться, поскольку в них обобщены представления Панарина о том цивилизационном выборе, который Россия вынуждена вновь делать в начале третьего тысячелетия. Книги, ставшие научным завещанием Панарина, не позволят совершить роковую ошибку.

Проблематика цивилизационной идентичности, которая занимала все более значимое место в творчестве Панарина в последние годы его жизни и тесно переплелась с геополитической проблематикой, связанной, прежде всего, с механизмами прогнозирования и феноменом постоянного расширяющейся зоны нестабильности, поразившей все сферы и уровни политической жизни. Последней из своих книг Александр Сергеевич Панарин дал нестандартное название: «Стратегическая нестабильность в XXI веке». С одной стороны, совмещение этих понятий — стратегия и нестабильность — противостоит естественности, но, с другой стороны, именно так можно зафиксировать противостоит естественности, деструктивное начало современной глобальной политики. Панарин выделяет тот факт, что мы сталкиваемся в этом случае «не с естественной изначальностью ситуации нестабильности, а с ее общественным производством», целью которого является сохранение и углубление социального неравенства в глобальном масштабе.

РАСТОРГУЕВ В.Н. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И АНАЛИТИКА АЛЕКСАНДРА ПАНАРИНА

И здесь главный вопрос — о мнимой победе мирового зла и о стойкости Православной цивилизации, которая только и способна противостоять засилью зла. Панарин спрашивает: «почему бы русским не смириться с логикой вполне земного существования, с земной участью?». И сам же отвечает, что история даёт нам больше подтверждений русского исторического мистицизма, чем его опровержений:

«Когда мы перед лицом очевидно превосходящего зла упрямо утверждаем: правда все равно победит, зло будет наказано, мы опираемся не на статистику прошлых побед добра и прочие эмпирические свидетельства, а на загадочно достоверную высшую интуицию» [Панарин 2014, с. 834].

Эта последняя монография Панарина открывается словами: «Памяти отца, Панарина Сергея Алексеевича, солдата Великой Отечественной войны, посвящаю». Но адресат этой книги, ставшей политическим завещанием Александра Сергеевича, — не столько его современники, сколько те наследники нашей цивилизации, которым еще суждено появиться на свет, чтобы проводить XXI век и встретить новый (или не суждено, если мы совершим политические действия, не совместимы с жизнью Российского государства). По словам Панарина, «мы, таким образом, становимся свидетелями и соучастниками драмы, последствия которой определяют судьбу всех поколений XXI века». Выбор главного адресата своих трудов Панарин объясняет предельно просто и честно:

«Это последнее поколение, сегодня отделенное от нас целым столетием, является, может быть, нашим главным собеседником: именно оно подивится нашей свободе — ведь оно, а не мы, станет пленником наших решений — и нашей слепоте. В этом отношении оно будет походить на нас, переживших трагедии XX века. Разве мы не дивимся слепоте тех, кто развязал хаос Первой мировой войны, перечеркнувшей лучшие ожидания поколения, встретившего зарю XX века? Разве мы не хотели бы получить ту свободу, которую еще имели они до принятия рокового решения, — свободу иначе-возможного? Мы стали заложниками их авантюры, сделавшей трагический ход событий необратимым» [Панарин 2014, с. 580].

Александр Панарин — один из самых ярких профессоров Московского государственного университета за всю историю его существования. Он стал основателем успешно развивающейся научной школы и оригинального направления политической философии, для которого характерен четко прописанный и тщательно отрефлексированный цивилизационный подход, что было особенно ценно в период становления отечественной политологии — по преимуществу вторичной и подражательной. Эта зависимость и внутренняя слабость не должны никого удивлять, так как мы находимся на самых ранних ступенях институционализации политического знания, когда еще не сложились, да и не могли сложиться сильные научные школы. «Импортозамещение» и сегодня почти не коснулось деятельности, которую можно назвать «производством смыслов», востребованных в публичной политике.

Переход от открытого доктринёрства с характерным для него обезличиванием как «учителей», так и «учеников» (борьба с «отсебятиной» в теории и преподавании) к идейному плюрализму, где ценится «авторское клеймо» на любой новой теории или на введенном в научный оборот концепте, призванном обновить смысловую палитру политики, не мог быть простым. Поэтому и отношение к наследию Панарина — особое. Еще не настало, видимо, время, чтобы понять масштаб сделанного им. Процесс осложняется и нежеланием властных элит раскрывать свои подлинные интересы и цели принятия стратегически значимых решений, а, следовательно, и поддерживать тех, кто способен к «дешифровке» и производству новых концептов, что составляет суть политической философии, призванной называть вещи своими именами. В таких условиях верность «великому учению» заменяется на еще более тесную, но скрытую зависимость от заказчика, а доктринёрство, манипулирование сознанием и унификация «мыследеятельности» (в оруэлловском смысле этого понятия) становятся вновь востребованными.

Как подметил Панарин, любое механическое заимствование чужих идей в сфере политики и слепое копирование чужого опыта означает лишь одно — признание собственного бессилия и того позорного факта, что «подлинными мы никогда не были». А это не так, поскольку, по глубокому убеждению Панарина, именно в Православной цивилизации больше всего подлинного, непреходящего — доброго и сострадательного. Поэтому для неё оказался открытым «путь в будущее, моделью которого является не конфликт, а концерт цивилизаций», а

«русская духовная традиция — традиция сострадательности — на самом деле препятствует угрозе геноцида, нависшей над этим морем новой нищеты и неприкаянности» [Панарин 2014, с. 145].

РАСТОРГУЕВ В.Н. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И АНАЛИТИКА АЛЕКСАНДРА ПАНАРИНА

Разумеется, всё неизменное зачастую воспринимается не только поверхностными умами, но и мыслящими людьми, с головой погружёнными в суету, как несвоевременное и потому несвоевременное, даже само Добро. «Многие мыслители, — пишет Панарин, — наблюдавшие крушение сравнительно благополучного и терпимого порядка XIX века (к ним в первую очередь следует причислить Достоевского и Ницше), задавались вопросом: как возможно, чтобы люди следовали злу — не по невежеству своему, а сознательно, с мефистофельской гордыней? Трагическая парадоксальность современного бытия состоит в том, что добро выступает в качестве чего-то статичного, а стало быть, «скучного», тогда как зло динамично и этой своей особенностью привлекает посттрадиционную личность, пуце всего боящуюся оказаться в плену у уклада, традиции, патриархальной дисциплины» [Панарин 2014, с. 165].

Школа жизни и статус ученого

В творчестве Александра Сергеевича Панарина трудно отделить собственно исследовательскую работу от педагогической, а политическую аналитику от публицистической и просветительской деятельности. Точно также трудно провести грань, отделяющую его личную жизнь от творчества: с юных лет — ни тени приспособленчества, открытость, искренность и абсолютная честность в суждениях. Именно эта особенность — внутренняя свобода — и стала причиной многих испытаний, через которые ему довелось пройти.

Александр Панарин родился 26 декабря 1940 года в шахтерском городе Горловка Донецкой области, о котором сегодня знают, наверное, все: гражданская война на Украине не пощадила ни город, ни его жителей. К слову, сам этот город возник на месте села, созданного во второй половине XVIII века для укрепления границ Российской империи. Когда-то именно здесь после окончательного присоединения этих земель к России формировались славяно-сербские поселенческие полки. Для их обустройства возводились так называемые государственные воинские слободы, в состав которых входили украинские и русские крестьяне и казаки, а также сербы, хорваты и словенцы, вынужденные бежать из родных городов и сел, спасаясь от австрийского гнета и принудительного онемечивания [Ефремов и др. 2003]. Это был образец славянского православного братства...

Человек, не теряющий духовной связи со своей малой родиной, богат вдвойне. Впитанный с детства дух независимости, память о корнях и природное свободолюбие стали главными чертами личности Александра Панарина, во многом предопределившими и его жизненный путь, и творчество, и даже политические воззрения, которые никогда не укладывались ни в «гибкую логику» зигзагообразно эволюционирующей государственной политики, ни в жесткие рамки альтернативных идеологических схем. Свободомыслие и верность духовным истокам своего народа действительно не позволяют самостоятельно мыслящему человеку слиться с каким-либо «великим учением». Ни с российским либерализмом, любой последовательный адепт которого «дошёл до того, что отрицает самую Россию, то есть ненавидит и бьет свою мать» (Ф.М. Достоевский), ни с марксистской логикой окончательной ломки традиций («Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем...»). Внутренняя свобода несовместима и с узко-национальным миропониманием, разделяющим народы России, а тем более с психологией этнокультурной обособленности, самодостаточности и превосходства.

Но подавляющее большинство людей страшится такого «идейного одиночества» и при первой же возможности жертвует своей подлинной идентичностью, иногда даже с облегчением, пополняя огромное «стадо адептов». Многие из нас легко снимают с души груз личной ответственности, полагая, что главный путь к истине знают те, кому знать положено — вожди, избранные или данные свыше, то есть знать в самом прямом смысле этого слова (знающие, где находятся рычаги власти и как ими пользоваться)... Другие, радеющие только о своих интересах, сбиваются в малые и зачастую агрессивные стаи. Они «выгрызают» или, как говорил Панарин, приватизируют ближайшее будущее. Тем самым они отнимают шанс у других, «менее достойных» (с их точки зрения) людей, народов, цивилизаций.

Благодаря этому всепоглощающему инстинкту хищника, стремлению любой ценой не упустить свой шанс зачастую именно меньшинства добиваются успеха в условиях политической конкуренции, поскольку демократия, согласно известному определению, есть не что иное, как власть хорошо организованного меньшинства над плохо организованным большинством. Панарин не принадлежал ни к инертному большинству, хотя именно защита интересов основной массы обманутых и обездоленных людей составляла смысл его работы, ни к «победно восходящим» группам, «прибирающим чужое» под прикрытием бесчисленных теорий, оправдывающих социальный расизм. Панарин в течение всей жизни оставался самим собой, полагая, что «субъекты, затрудняющиеся определить свою настоящую идентичность и запретившие себе загадывать на отдаленное будущее, политически и духовно являются ущербными» [Панарин 2014, с. 642].

РАСТОРГУЕВ В.Н. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И АНАЛИТИКА АЛЕКСАНДРА ПАНАРИНА

С подросткового возраста он зачитывался историческими и философскими книгами — из тех, конечно, которые тогда были доступны, и четко определил свое призвание — стать профессиональным философом. Для того, чтобы приобрести производственный стаж, необходимый для поступления на «идеологический факультет», он совмещал работу на заводе с учебой в вечерней школе, что и помогло ему осуществить мечту. Он успешно сдал экзамены на философский факультет Московского университета, где в полной мере проявились не только его уникальные способности, но и независимость суждений, свободолюбивый нрав, что и стало причиной больших неприятностей, которые могли сломать жизнь.

Вместе с небольшой группой студентов-единомышленников он, не особенно маскируясь, занялся деятельностью, которую мы называем сегодня независимой политической аналитикой. Они сопоставляли с практикой государственно-строительства азы марксистской теории (а Александр Панарин к тому времени с карандашом в руках перечитал почти все труды основоположников единственно верного учения). Из сопоставления теории и практики следовали неутешительные прогнозы и выводы, не совпадавшие с «линией партии». Последствия такой аналитики и прогностики не заставили себя ждать: доносы, а затем и допросы, попытки сломить волю юных «диссидентов» (один из них погиб при невыясненных обстоятельствах) завершились исключением из комсомола и отчислением из МГУ на третьем году обучения. Некоторые из его учителей, до сих пор работающие профессорами на философском факультете, с сочувствием относились к вольнодумцам, но от них мало что зависело.

Помог случай: после отстранения от власти Никиты Хрущева потребовалось «вскрыть факты волюнтаризма», в результате чего чрез два года после «отлучения» Панарину дали возможность доучиться: в 1966 году он окончил философский факультет, а позднее, в 1971 году, аспирантуру. Впрочем, долгие годы он находился, по его же словам, «под подозрением в нелояльности», что отчасти соответствовало действительности. И сегодня, в условиях свободы слова, немногие способны противостоять массивной политической индоктринации, партийной ангажированности и духу так называемой «политической корректности», которая выполняет функции политической цензуры и самоцензуры, табуируя целые исследовательские темы и отделяя «своих» от «чужих». В этих условиях независимая политическая аналитика с трудом пробивается как в научных изданиях, так и в масс-медиа, а воззрения Панарина крайне редко совпадали с «общепринятыми».

Назовем основные вехи жизненного пути Панарина. В течение ряда лет он работал ассистентом на кафедре философии Московского института народного хозяйства (1966—1968 и 1972—1975 гг.), затем — старшим преподавателем, доцентом, заведующим кафедрой управления, деканом факультета экономики и управления Института повышения квалификации руководящих работников и специалистов Миннефтехимпрома СССР — до 1984 года, когда его пригласили в Институт философии АН СССР, где он сделал вполне успешную карьеру — от старшего научного сотрудника до заведующего сектором и лабораторией, руководителя Центра социально-философских исследований Института философии РАН. Панарин был вместе с профессором И.К. Кучмаевой одним из основателей Государственной академии славянской культуры. В 1989 году он основал и до последних дней жизни возглавлял кафедру теоретической политологии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Его кандидатская диссертация была посвящена анализу социальной доктрины Жана Фурастье² [Панарин 1974], а в своей докторской диссертации «Современный цивилизационный

² Жан Фурастье (Jean Fourastié, 1907—1990) — французский экономист и социолог, один из создателей теории индустриального общества. В трудах «Великая надежда XX века» (1949), «Цивилизация 1975» (1957), «Великая метаморфоза XX века» (1961), «40 000 часов» (1965) и др., посвященных проблемам закономерностей общественного развития, структуры современного промышленного общества, социальных последствий технического прогресса, сформулировал некоторые основополагающие тезисы технократизма.

процесс и феномен неоконсерватизма» Панарин очертил общие контуры главной научной программы, которой отдал все последние годы [Панарин 1991].

Если в течение многих лет его философское служение, как говорила на первых Панаринских чтениях его вдова, профессор Н.Н. Зарубина, не было воспринято и востребовано ни обществом, ни интеллектуальным сообществом, то оно обрело подлинный размах в последние 20 лет: «20 лет молчания и 20 лет творческой самореализации».

Он смог вернуться в стены альма-матер в качестве ведущего профессора и основателя центральной политологической кафедры только тогда, когда в одночасье кануло в Лету «единственно верное учение» и всем стало очевидно, что без новой теории, без альтернативного поиска невозможно долгосрочное развитие страны. Тогда же многим открылась и еще одна простая истина: стабильное развитие невозможно без нового поколения мыслящих людей, не скованных

РАСТОРГУЕВ В.Н. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И АНАЛИТИКА АЛЕКСАНДРА ПАНАРИНА

догматикой (леворадикальной или радикально-либеральной) и не меняющих свои убеждения синхронно со сменой политических режимов. Возвращение Панарину права свободно печатать свои книги и учить молодежь в главном университете страны было одним из первых признаков того, что дух академический свободы неистребим, а Московский университет был и остается флагманом отечественной науки, носителем лучших образовательных традиций, умеющим дожить новыми и перспективными школами.

Александр Сергеевич Панарин ушел из жизни 25 сентября 2003 года, похоронен на Троекуровском кладбище в Москве, после отпевания в домовом храме Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова...

Хотя бы несколько слов надо сказать и о педагогическом даре Панарина, и о его манере работать. Новые поколения студентов считают его своим учителем, хотя им не посчастливилось слышать его речь, участвовать в той дискуссии, которую он вел постоянно, помогая закрепощенным раскрепоститься, избавиться от страха, знакомого каждому, кто идет в обучение профессии. Он умел раскрыть в каждом человеке дар, данный тому свыше. Раскрыть — в простом общении, в доброжелательном диалоге. Сегодня эта способность к честному и доброжелательному диалогу-сотворчеству становится всё менее востребованной. По словам Панарина,

«современное меновое общество, отбивающее у людей охоту и способность к дарению, с "либеральной" агрессивностью выкорчевывающее саму установку дарения в качестве признака "чуждого менталитета", рискует расстройкой самого главного: готовности людей дарить плоды своего усердия, таланта, вдохновения миру, способному отдаривать» [Панарин 2014, с. 129].

Наивный первокурсник был для Панарина столь же ценным собеседником (именно так!), как и самый искушенный и талантливый профессионал. И наивный первокурсник становился профессионалом, имея пред глазами учителя, потому что профессия — это, прежде всего, призвание. Кстати, само слово «призвание» он понимал очень широко, относя его и к отдельному человеку, и к народу, и к цивилизации, «ибо нет и не может быть сепаратного спасения человека: он спасется вместе со всем миром». И еще одно точное определение, данное здесь же:

«Не покорить, не закабалить природное вещество, а высветлить содержащееся в нем иное, высшее начало, раздуть тлеющий в земных телах небесный огонь — вот призвание человека. Это — художнический тип призвания, связанный с экстатическим созерцанием» [Панарин 2014, с. 171–173].

Но призванию нельзя научить, ему не научат даже в самом лучшем университете мира, а тем более по «болонской системе», которая подменяет незаменимого учителя (моего учителя) легко заменимым посредником между обезличенным, «отоваренным» знанием и личностным сознанием — насквозь «протестированным», почти спротезированном. Конечно, этот протез пытаются сделать все более совершенным — почти живым органом. Однако подражание жизни останется имитацией, в лучшем случае — искусной, но всегда искусственной, чужеродной. Призванию нельзя научить, его можно открыть в себе и в других. Открывать таланты — тоже призвание. Более того, это самый редкий из всех даров, данных человеку. После любви, конечно, ибо «любовь не превозносится, не гордится» (Кор 13:4), а «совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение» (Ин 4:18). Любая образовательная система без любви и без любимого учителя мертва.

Призвание не всегда совпадает с признанием. Многочисленные научные звания и бесчисленные свидетельства общественного признания, которыми Александр Панарин не был обделен, говорят меньше, чем написанные им книги. Его книги остаются с нами, а его мастерство требует осмысления.

Творчество Панарина поистине уникально: не только масштабом созданного, хотя оно непостижимо (за 20 лет около 30 книг — монографий и учебников, которые меньше всего походили на школярские штудии, и огромное количество статей), и не только безоглядой смелостью. Как говорил Жан Жак Руссо, кто хочет быть свободным, тот действительно свободен. Именно по этой причине, видимо, ему суждено было при любом режиме оставаться в «интеллектуальной оппозиции». Он не умел лукавить ни со студентами, ни с коллегами, не хотел подлаживаться, не мог отступить от призвания. Но есть в его книгах одна тайна, которая всегда будет отличать его труды и привлекать пытливые умы: каждая строка узнаваема, каждая мысль самобытна. Читаешь текст, но слышишь живую, раскованную речь, видишь открытую, незащищенную душу. Его идеи не только вплетены в русскую культуру и мировой социокультурный кон-

РАСТОРГУЕВ В.Н. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И АНАЛИТИКА АЛЕКСАНДРА ПАНАРИНА

текст, но и воспринимаются как органичная составляющая, образец высокой культуры. Для современной науки это даже не редкость, а исключение из правил.

О статусе ученого часто судят по индексу цитируемости его трудов. Александр Сергеевич Панарин — едва ли не самый цитируемый автор из отечественных философов и политологов нашего времени. Но красноречивей всего о нём говорят не ссылки и не цитаты, а умолчания...

Не каждый осмелится и сегодня не то чтобы признать правоту его суждений и точность прогнозов, но даже повторить многие нелицеприятные оценки российской политической жизни и того тонкого социального слоя, который именует себя национальной политической элитой, не испытывая при этом к собственному народу ничего, кроме презрения. Впрочем, за жёсткой критикой политической верхушки не скрывалось иного желания, кроме одного — излечить застарелый недуг, выправить власть. В этой связи вспоминаются известные слова: друг у власти — потерянный друг. Хочется верить, что уже наступает время, когда российская властная элита очистится от скверны, выйдет из противостественной оппозиции к народу. Тогда будет востребован и потенциал творчества Александра Панарина. Но нам тогда будет ещё больней от потери. От осознания того, что мы не смогли вовремя оценить его пророческого дара. Имя его дорого каждому, кто любит Россию и знает, сколь велик вклад учёного в становление отечественной и мировой политической науки. Может быть, с годами утихнет боль утраты, но останутся труды, достойные того, чтобы войти в свод лучших произведений русской философии.

«Идейная принадлежность» в науке и личная свобода

Александра Панарина иногда и не без основания называют блестящим прогностом, а иногда даже пророком. И действительно, он создал стройную теорию глобального политического прогнозирования, а многие его прогнозы не единожды сбывались и будут сбываться — и позитивные, и, увы, негативные. Последнее предопределено уже тем, что многие катастрофы свершаются задолго до того, как мы узнаем о них: они свершаются вначале в сфере духа...

Панарин лучше многих знал, что политика — это действительно искусство возможного. Но знал он и другое: возможность — не вседозволенность. Ибо первое — от Бога, второе — от лукавого. Всё дозволено лишь для тех, кто не признаёт Бога. В сотворенном мире вседозволенность сужает спектр возможного, лишает человека рассудка, народы — энергии жить и выстоять, а саму жизнь — высшего смысла. Подлинное имя вседозволенности, которую демонстрируют и страны-гегемоны, и социальные группы, сконцентрировавшие в своих руках власть, — хаос:

«Сначала хаос выступает под знаком либеральной вседозволенности — потакания Эдиповой "безотцовщине", не выносящей "репрессии норм". А затем, на стадии, когда он принимает форму "терроризма" и стихийного «экспорта уголовщины», которую цивилизованное общество не в состоянии терпеть, он становится поводом для "гуманитарных вмешательств" мирового жандарма» [Панарин 2014, с. 691].

Так называемый прогресс, который на наших глазах преобразуется в расистскую категорию, делящую людей на приспособленных и неприспособленных, заставляет нас, по словам Панарина, капитулировать перед современностью, отречься от всех прежних ценностей, традиций и памяти, даже от своей идентичности. Задача, которую ставил перед собой Александр Панарин, — реабилитировать традиционалистов и сам русский народ, который «находится сегодня на большом подозрении в глазах передового общественного мнения, в «рисковой ситуации нелюбимого». По его точному определению, русский народ не любит собственные правители, экономические элиты, властные элиты: именно «нелюбовь властвующих» в значительной мере и объясняет многие катастрофические поражения, а внутренняя опасность кроется в нарушении принципа разделения духовной (символической) и экономической власти.

Исследования Панарина в области политической глобалистики были поистине пионерскими. В этом ряду стоят его известные монографии «Глобальное политическое прогнозирование» и «Искушение глобализмом» и десятки, сотни других столь же значимых работ, как фундаментальных, так и публицистических, написанных на злобу дня, но от того не менее глубоких.

Он трактовал глобализацию как деконструкцию суверенных национальных государств и национальных сообществ, открывающую возможность выхода элит из системы национального контроля. Глобализация, по Панарину, — вызов демократическому суверенитету народа, которому всё чаще приходится подчиняться наднациональным инстанциям. Выход — те только в «альтернативном глобализме», интернационализации демократических институтов, способных обуздать глобальный экономический тоталитаризм, но и в верном следовании долгу.

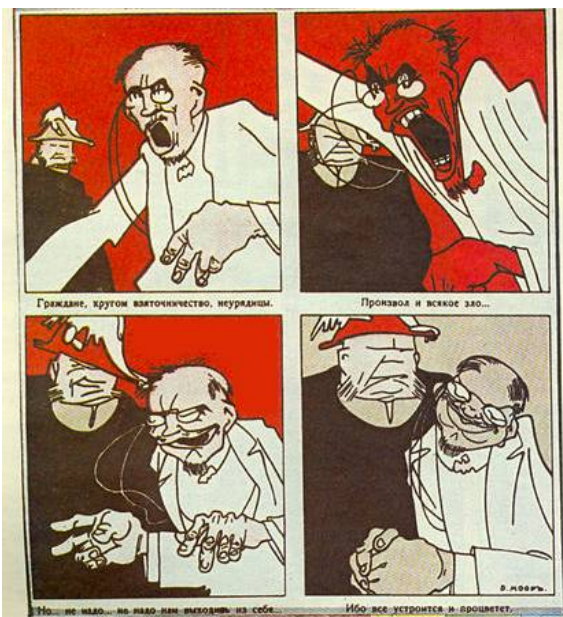

РАСТОРГУЕВ В.Н. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И АНАЛИТИКА АЛЕКСАНДРА ПАНАРИНА

* * *

Не раз приходилось слышать и читать о том, что Александр Панарин прошёл путь от либерала-диссидента до убеждённого консерватора. Вряд ли такая линейная формула может удовлетворительно объяснить эволюцию его воззрений. Как уже говорилось, он меньше всего походил на либерала даже в узко-психологическом плане, либерала по «конституции души», который, по едкому выражению Салтыкова-Щедрина, «всех одинаково призывает насладиться под сению излюбленных ими идеалов» [Салтыков-Щедрин 1974, с. 162]. Именно о таком типаже бытового либерализма писал Михаил Евграфович в своём памфлете «Либерал»:

«...никто слова не молвит, а он уж во всё горло гаркает: "Ах, господа, господа! что вы делаете! ведь вы сами себя губите!" И никто на него за это не сердился, а, напротив, все говорили: "Пускай предупреждает — нам же лучше!"» [Салтыков-Щедрин 1974, с. 162].

Слева: «Либерал-эквилибрист». Гравюра по рисунку Н.А. Степанова, 1862.

Справа: «Либерал». Рисунок Д.С. Моора для журнала «Будильник», 1915 — политическая карикатура на либералов всякого толка, меняющих тон своей критики существующих порядков в зависимости от реакции на эту критику представителей власти.

Подписи: в верхнем ряду — «Граждане, кругом взяточничество, неурядицы» (слева); «Произвол и всякое зло» (справа); в нижнем ряду — «Но... не надо... не надо нам выходить из себя» (слева); «Ибо все устроится и процветет» (справа).

Либералам подобного типа недоступно и непонятно качество, которое Иммануил Кант называл «мужеством пользоваться собственным разумом» [Кант 1994, с. 29] и способностью «отваживаться на то, что велит долг» [Кант 1999, с. 336]. Но именно это качество не прощали ему и некоторые убежденные враги либерализма, ставшие таковыми либо по духовному складу (не всем нужна и даже полезна свобода), либо по воззрениям. А тому факту, что подобные убеждения распространены в России, как, впрочем, и повсеместно, удивляться не стоит: чтобы стать убеждённым антилибералом на всю оставшуюся жизнь, достаточно хотя бы прикоснуться к святоотеческому наследию или, на худой конец, принять сердцем какую-нибудь не вполне либеральную доктрину. Но есть и более короткий путь: его прошли все, кто хотя бы ненадолго попал под железную пята радикальных либералов при власти. Многие россияне прошли эту либеральную школу национального позора, что объясняет «лежащий» рейтинг либерализма в современной России.

Панарин был православным человеком, открывшим для себя «закон совершенный, закон свободы». Он не кичился своим призванием и служением, не считая себя ни проповедником, ни носителем истины в последней инстанции. Но он и не стыдился своего знания, как это свойственно многим из тех современных интеллектуалов, кто искренне верует, однако считает не вполне «политкорректным» смешивать христианское служение с целями светской службы, тем более на уровне науки и просвещения: как-никак власть у нас явно либеральная, а Церковь-то отделена...

Трудно отнести Панарина и к «ложным либералам», как называют иногда левых интеллектуалов, которых Р. Арон гневно окрестил «предателями единой и единственно верной американской традиции — либерализма Вольтера и энциклопедистов, таких людей, как Джефферсон, Франклин и Монро, Линкольн, Гровер Кливленд и Вудро Вильсон» [Арон 2005, с. 202]. Напомним в этой связи, что все ложные либералы, по оценке того же Арона,

«происходят от психопата по имени Карл Маркс; их интересуют не идеалы, а материальная безопасность... Они прожектеры; они верят в свою собственную мудрость, но не в мудрость простого человека; они не коммунисты, но их мысли путаны» [Арон 2005, с. 203].

РАСТОРГУЕВ В.Н. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И АНАЛИТИКА АЛЕКСАНДРА ПАНАРИНА

Впрочем, тот факт, что Панарин — не либерал, понятен каждому, кто прочитал хотя бы один абзац из любой его статьи или книги. Труднее понять и принять другое: он не был и консерватором в расхожем значении этого слова (когда консерватор воспринимается в качестве идеолога или адепта консерватизма как политического учения), хотя именно в панаринской логике многие наши консерваторы не без основания видели и видят теоретическую основу своих воззрений. О своей позиции в отношении к наиболее распространённой версии консерватизма, которую с полным основанием можно рассматривать как восходящую политическую «ретро-доктрину», Панарин говорил вполне ясно:

«...я решительный противник консервативно-романтических утопий о «великом возвращении назад», стиля «ретро», который при ближайшем рассмотрении оказывается стилизаторством самого западничества». Такое стилизаторство вдвойне рискованно, если речь идет «о модернизации архаичных обществ, не способных дать человеку гарантии его гражданского и личного достоинства» [Панарин 1994, с. 201].

Говоря о конкретных политических проектах консервативной ориентации на стыке эпох (Модерна — Постмодерна) и, прежде всего, о евразийском проекте, в разработке современной версии которого он участвовал, Панарин отмечал, что созидательная сила столь масштабного геополитического проектирования и прогнозирования кроется вовсе не в доктринальных обоснованиях. С этим выводом можно полностью согласиться, поскольку сила консервативного мировосприятия не прибывает, а убывает по мере возведения консерватизма в степень «единственно верного учения». Дело в том, что его статус тем самым не поднимают, а опускают, помещая в один ряд с заведомо нежизнеспособными (в исторической перспективе) политическими идеологиями, которые достигли уровня «великих учений» только потому, что всеми правдами и неправдами вытеснили из сознания масс религиозное чувство, подменили собой мировые конфессии.

В основе «великих учений» — непомерная гордыня разума, которая и питает почти неприкрытую ненависть к религии. В этом отношении (но только в этом!) по одну сторону баррикад стоят и бесчисленные разновидности либерализма, и враждующие друг с другом марксистские школы, а также полураздавленные, но оживающие на глазах учения нацистского толка, ожидающие своего часа. Для чего ещё так бережно в Единой Европе сохраняют их очаги на бывших западных землях исторической России и на Украине? Что делать консерватизму в этом семействе политических интриг и доктрин, которые не без выгоды для себя превратили человеческий мир в сцену, на которой перед публикой «воют идеи», демонстрируя устойчивость западных демократических институтов? Консерватизм без религиозной веры и верности — это почти то же самое, что либерализм без денег и денежных мешков или идея коммунизма без миллионов обездоленных людей, которым уже нечего терять, но есть что экспроприировать.

Созидательный потенциал евразийского проекта, по мнению Панарина, кроется в его опоре на консервативную (читай — здоровую) психологию нормальных людей, кровно привязанных к своей земле. Всё дело, говорит Панарин, в том и заключается, что «житель — консерватор: он ориентируется не столько на то, чтобы покорить и переделать, сколько на то, чтобы сберечь» [Панарин 1994, с. 260]. Понять эту закономерность важно, так как именно жители становятся ныне новым субъектом политики — и национальной, и международной:

«Они защищают и возрождают то, что так безответственно растрачивал «отраслевой» или «технический» человек предыдущей эпохи». По этой причине «евразийский проект должен строиться с учётом этой новой парадигмы общественного развития; тогда свойственный ему консерватизм будет свободен от упреков в ретроградности» [Панарин 1994, с. 260].

Евразийский проект, как его понимал Панарин, является постмодернистским и тем самым напоминает неоконсервативную волну на Западе:

«Он знаменуется своеобразным «реваншем провинции», реабилитацией ценностей укоренения. Он воспринимает различие региональных культур не с позиций иерархии («современные» и «несовременные»), а с позиций непреходящего и самоценного многообразия» [Панарин 1994, с. 276].

Воззрения Панарина имеют мало общего с той разновидностью культурного консерватизма, который Н.С. Трубецкой определял как ложный национализм («Об истинном и ложном национализме») (см. [Трубецкой 1995]), не допускающий изменений даже тогда, когда старые формы самобытной жизни перестали воплощать в себе национальную психику. Причина неприятия Панариным насаждаемых типов доктринального консерватизма-национализма проста: он четко от-

РАСТОРГУЕВ В.Н. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И АНАЛИТИКА АЛЕКСАНДРА ПАНАРИНА

делял национализм как культурный феномен от национализма как «великого учения», которое далеко не случайно используется либеральными политиками. Кстати, об этой закономерности (крайности сходятся) когда-то первым заговорил К.Н. Леонтьев, который, по словам Н.А. Бердяева, не только не был националистом, как это может показаться на первый взгляд, но был идейным врагом национализма (см. [Бердяев 1926]). Представляется, что взгляды Панарина не полностью, но во многом совпадают с позицией Леонтьева, заявленной в его известной статье «Племенная политика как орудие всемирной революции» (см. [Леонтьев 2008]), которая вызвала в своё время «негодование в националистически настроенных консервативных кругах».

Александр Сергеевич Панарин всегда был открыт для чужого мнения, но не подвластен «демонам этноцентризма, национализма и сепаратизма», вырвавшимся наружу вслед за крушением СССР. Он лучше других понимал, что «национализм очень быстро вырождается в попрошайничанье в обмен на геополитическую услужливость и беспринципность», как видно хотя бы на примере украинской элиты. В одной из своих последних статей «Север — Юг: сценарии обозримого будущего» [Панарин 2003], Панарин открывает механизм явления, которые западные политологи иногда называют «канализацией национализма», т.е. его использованием в качестве инструмента для «взлома» нежелательных политических систем и режимов. По мнению Панарина, вспышка национализма в бывших советских республиках — не что иное, как политика «номенклатурных приватизаторов». Подлинный девиз такой политики сводится к формуле:

«...нам — собственность, народу — национальная специфика, исполняющая роль символического заместителя утраченных социальных возможностей» [Панарин 2014, с. 1215].

Подобный «новый национализм» распространяется ныне не только в постсоветском пространстве, но и в пространстве всей мировой периферии.

Еще труднее связать имя Панарина с «западничеством», что легко объяснимо. Во-первых, он был русским и по духу (русскость — не этническое качество), и по происхождению — человеком, в котором текла кровь русских великороссов и русских украинцев, малороссов. Во-вторых, он знал цену «западникам» в странах не-Запада, которые не только управляются Западом, но и «прямо-таки стыдятся национальной идентичности и опасаются быть застигнутыми в роли проводников национальных интересов своих стран». В-третьих, Панарин слишком высоко ценил достижения западной культуры и научной мысли, чтобы сливаться с «подобострастным западничеством», которое «подстрекает худшие силы на Западе и тем самым ведет к скорой драматической компрометации Запада в глазах незападного большинства мира» [Панарин 2003, с. 60].

Рисунок Майкла Хора (Michael Hogue) с сайта <http://www.theamericanconservative.com/articles/eastern-right-2/>

Панарина нельзя назвать также ни коммунистом, ни антикоммунистом, да и никем из тех, для кого быть — почти то же самое, что принадлежать к какому-нибудь великому учению. По его убеждению, оказавшись в «наэлектризованном идеологическом поле» этих учений, люди «утрачивают благоразумие терпимости» [Панарин 2003, с. 4]. Имя адептам самых разных учений, в том числе и учёным-адептам, — легион, а имя Александра Панарина — одно. Его имя, как его голос и стиль, не спутать. Он это хорошо знал и дорожил своим именем, не желая соединять, сливать его с именами

РАСТОРГУЕВ В.Н. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И АНАЛИТИКА АЛЕКСАНДРА ПАНАРИНА

каких-то учений, тем более великих, которые притягивают, как магнит, маленьких и мелких людей. Не был он в полном смысле этого слова и инакомыслящим, т.е. диссидентом, поскольку он-то и был одним из немногих мыслящих в мире бесчисленных имитационных человеко-машин.

«Мыслить иначе», чем машина, невозможно уже по той простой причине, что она, по счастью, не мыслит. В этом машинизированном мире есть непреложный закон: каждый человек по отдельности силен принадлежностью к своему «изму» и априори враждебен к «непохожим». Даже терпимость к расовым отличиям сводится, чаще всего, к признанию за «иными» свойств, характерных для «белой» западной цивилизации. То же требование распространяется на все формы насаждаемой толерантности. При этом каждый член Системы обязан быть абсолютно нетерпимым к тем «своим» («своим», т.е. принадлежащим Системе, основанной на враждующих Учениях), кого, по правилам Системы, в данный момент должно считать «чужим».

Панарин относился к редкой когорте людей, которых называют системщиками, ибо он мог решать задачи, не поддающиеся набору обкатанных методов, но он не был частью Системы тотальной унификации, он был её противником и, с этой точки зрения, консерватором. Каким, по мнению Панарина, должен быть современный консерватор?

Панарин сам отвечает на это вопрос в книге «Глобальное политическое прогнозирование»:

«...современный консерватор — это одновременно и тонкий герменевтик, разгадывающий утаённый от предшественников смысл традиции, и мужественный реставратор, делающий дело, невзирая на протесты крикливой «передовой общественности». Но чтобы реставраторство не стало ретроградством, необходимо прочесть традицию в свете требований завтрашнего дня, сделать ее основой своего проекта будущего» [Панарин 2002, с. 249].

Это определение лучше всего подходит для самого Александра Сергеевича Панарина.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арон Р. Опиум интеллектуалов // Логос. 2005. № 6. С. 182—205.
2. Бердяев Н.А. Константин Леонтьев: Очерк из истории русской религиозной мысли. Париж: YMCA-Press, 1926.
3. Ефремов А.С., Курило В.С., Бровченко И.Ю., Климов А.А., Красильников К.И., Семистяга В.Ф., Подов В.И. История Луганского края / Под ред. В.С. Курило. Луганск: Альма-матер, 2003.
4. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. СПб.: Наука, 1999.
5. Кант И. Ответ на вопрос "Что такое Просвещение?" // Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. М.: ЧОРО, 1994. С. 29—37.
6. Леонтьев К.Н. Чем и как либерализм наш вреден? Племенная политика как орудие всемирной революции. Москва: Директ-Медиа, 2008.
7. Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. М.: Алгоритм, 2002.
8. Панарин А.С. Критика социальной доктрины Жана Фурастье. Дисс. ... к. филос. н. М., 1974.
9. Панарин А.С. Современный цивилизационный процесс и феномен неоконсерватизма. Дисс. ... д. филос. н. М., 1991.
10. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2003.
11. Панарин А.С. Православная цивилизация / Сост., предисл. В.Н. Расторгуев; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014.
12. Панарин А.С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). М.: ИФ РАН, 1994.
13. Панарин А.С. Север — Юг: сценарии обозримого будущего // Наш современник. 2003. № 5. С. 239—263.
14. Речь Святейшего Патриарха Кирилла на церемонии присуждения степени honoris causa Московского государственного университета [Электронный ресурс] // Русская Православная Церковь. официальный сайт Московского Патриархата. 2012. 28 сентября. Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2496952.html>.
15. Салтыков-Щедрин М.Е. Либерал // Собрание сочинений: В 20 т. Т. 16. Кн. 1. М.: Художественная литература, 1974. С. 162—166.

РАСТОРГУЕВ В.Н. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И АНАЛИТИКА АЛЕКСАНДРА ПАНАРИНА

16. Трубецкой Н.С. Об истинном и ложном национализме // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 120–125.
17. Alexander-Davey E. "The Rebirth of Russian Conservatism." *University Bookman* 44.4 (2006). 19 March 2007. Web. <<http://www.kirkcenter.org/index.php/bookman/article/the-rebirth-of-russian-conservatism/>>.
18. Bazhanov V.A. "A Note on A.S Panarin's Revansh istorii." *Europe-Asia Studies* 51.4 (1999): 705–708.
19. Congdon L. "Conservatism, Christianity, and the Revitalization of Europe." *Modern Age* 49.4 (2007): 490–497.
20. Laruelle M. "Larger, Higher, Farther North... Geographical Metanarratives of the Nation in Russia." *Eurasian Geography and Economics* 53.5 (2012): 557–574.
21. Laruelle M. "The Two Faces of Contemporary Eurasianism: An Imperial Version of Russian Nationalism." *Nationalities Papers* 32.1 (2004): 115–136.
22. Peunova M. "An Eastern Incarnation of the European New Right: Aleksandr Panarin and New Eurasianist Discourse in Contemporary Russia 1." *Journal of Contemporary European Studies* 16.3 (2008): 407–419.
23. Panarin A.S. "Russia in Eurasia: Geopolitical Challenges and Civilizational Responses." *Russian Social Science Review* 37.3 (1996): 35–53.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11–2011:

Расторгуев, В. Н. Политическая теория и аналитика Александра Панарина [Электронный ресурс] / В.Н. Расторгуев // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. — 2015. — Т. 9. — Вып. 1: Цивилизации в эпоху глобализма. К 75-летию со дня рождения А.С. Панарина. Тематический выпуск кафедры философии политики и права Философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. — Стационарный сетевой адрес: 2227-9490e-arprovr_e-ast9-1.2015.21.

ALEXANDER PANARIN'S POLITICAL THEORY AND ANALYTICS

Valery N. Rastorguev, D.Phil., Professor, Lomonosov Moscow State University, Philosophical Department, Chair of Philosophy of Politics and Law

E-mail: rv1812@yandex.ru

Modern philosophical discourse, particularly on the question of Russian civilization path, is usually treated from the standpoint of philosophical works formal affiliation to Liberalism, Marxism, or Conservatism (Neo-Conservatism, Eurasianism, and Nationalism). My article examines scientific and analytical heritage of Alexander S. Panarin, who remains one of the most outstanding modern thinkers. In Panarin's works, the problems arising in process of interaction between civilizations in the modern world against the backdrop of a qualitative change in the global political climate, take a special place. In the same time, his creative work directed against a specific anti-state and anti-Russian liberalism, is cannot be unambiguously attributed either to Conservatism or to Eurasianism, or to Marxism or to Nationalism.

The subjects of my investigation are Panarin's challenging path of life and peculiarities of his constructive method, which let him become the founder of a successfully developing Russian scientific school and original movement of political philosophy, as well as his clear and deeply reflected approach being typical for his work. For these purposes, I used bio-bibliographical and analytical-reading approaches, as well as comparative method, by means of which I show some common grounds of Konstantin Leontyev's conception and Alexander Panarin's philosophical views.

In my article, I write about Professor Panarin's scientific biography, his pedagogical gift and manner of working with students. He was open to discussion with any student, even a freshman, helping to overcome the intellectual servitude, to get rid of fear at the adoption of the philosophical approaches.

РАСТОРГУЕВ В.Н. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И АНАЛИТИКА АЛЕКСАНДРА ПАНАРИНА

I also show the reasons for which philosopher Panarin did not become one of 'Westerners'. First, he knew the value of 'Westerners' in the countries of non-West. Those 'Westerners' are not only controlled by the West, but also nothing less than are ashamed of national identity and they are afraid of being caught in the role of conductors of national interests of their countries. Secondly, Panarin too highly valued the achievements of Western culture and scientific thought, to merge with 'obsequious Westernism' that incites the worst forces in the West, and thus leads to the emergency dramatic discredit the West in the eyes of the majority in non-Western world

In my article, I focused on the most productive stage of Panarin's work during the period when process of political science's formation and institutionalization had just started in post-Soviet Russia, and I pay special attention to the latest Panarin's works revealing the nature of global strategic instability and specificity of orthodox civilization.

Having analyzed in detail Panarin's writings of the last five years of his life, I conclude Panarin was belong to rare cohort of people who are called systems analyst, because he could solve problems not amenable to set of run-in methods, but he was not part of the System of total unification; he was the opponent of such System and, from this point of view, he was a conservative.

Keywords: conceptual reconstruction, civilization identity, scientific heritage, political theory and analytics, strategic instability, Orthodox civilization, global forecasting, political tabooing.

References:

1. Alexander-Davey E. "The Rebirth of Russian Conservatism." *University Bookman* 44.4 (2006). 19 March 2007. Web. <<http://www.kirkcenter.org/index.php/bookman/article/the-rebirth-of-russian-conservatism/>>.
2. Aron R. "The Opium of the Intellectuals." *Logos* 6 (2005):. (In Russian).
3. Bazhanov V.A. "A Note on A.S Panarin's Revansh istorii." *Europe-Asia Studies* 51.4 (1999): 705–708.
4. Berdyaev N.A. *Konstantin Leontiev: Essay on the History of Russian Religious Thought*. Paris: YMCA-Press, 1926. (In Russian).
5. Congdon L. "Conservatism, Christianity, and the Revitalization of Europe." *Modern Age* 49.4 (2007): 490–497.
6. Efremov A.S., Kurilo V.S., Brovchenko I.Yu, Klimov A.A., Krasilnikov K.I., Semistyaga V.F., Podov V.I. *The History of Lugansk Region*. Ed. V.S. Kurilo. Lugansk: Alma Mater Publisher, 2003. (In Russian).
7. "His Holiness Patriarch Kirill's Speech at the Ceremony of Awarding the Honoris Causa Degree of Moscow State University." *Russian Orthodox Church. Official Website of Moscow Patriarchate*. Moscow Patriarchate, 28 Sept. 2012. Web. <<http://www.patriarchia.ru/db/text/2496952.html>>. (In Russian).
8. Kant I. *Anthropology from a Pragmatic Point of View*. St. Petersburg: Nauka Publisher, 1999. (In Russian).
9. Kant I. "The Answer to the Question 'What is Enlightenment?'" *Collected Writings*. Moscow: CHORO Publisher, 1994, volume 8, pp. 29–37. (In Russian).
10. Laruelle M. "Larger, Higher, Farther North... Geographical Metanarratives of the Nation in Russia." *Eurasian Geography and Economics* 53.5 (2012): 557–574.
11. Laruelle M. "The Two Faces of Contemporary Eurasianism: An Imperial Version of Russian Nationalism." *Nationalities Papers* 32.1 (2004): 115–136.
12. Leontiev K.N. *What Harm and How Our Liberalism Is Bad? Tribal Politics as an Instrument of World Revolution*. Moscow: Direct Media Publisher, 2008. (In Russian).
13. Panarin A.S. *Criticism of Jean Fourastié's Social Doctrine*. Ph.D. diss. Moscow, 1974. (In Russian).
14. Panarin A.S. *Modern Civilization Process and Phenomenon of Neo-Conservatism*. Doctoral diss. Moscow, 1991. (In Russian).
15. Panarin A.S. "North-South: Scenarios of the Foreseeable Future." *Nash Sovremennik [Our Contemporary]* 5 2003: 239–263. (In Russian).
16. Panarin A.S. *Strategic Instability in the Twenty-First Century*. Moscow: Algoritm Publisher, 2003. (In Russian).
17. Panarin A.S. *The Global Political Forecasting*. Moscow: Algoritm Publisher, 2002. (In Russian).
18. Panarin A.S. *The Orthodox Civilization*. Moscow: Institute of Russian Civilization Publisher, 2014. (In Russian).

РАСТОРГУЕВ В.Н. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И АНАЛИТИКА АЛЕКСАНДРА ПАНАРИНА

19. Panarin A.S. "Russia in Eurasia: Geopolitical Challenges and Civilizational Responses." *Russian Social Science Review* 37.3 (1996): 35–53.
20. Panarin A.S. *Russia in the Civilization Process (Between Atlanticism and Eurasianism)*. Moscow: RAS Institute of Philosophy Publisher, 1994. (In Russian).
21. Peunova M. "An Eastern Incarnation of the European New Right: Aleksandr Panarin and New Eurasianist Discourse in Contemporary Russia 1." *Journal of Contemporary European Studies* 16.3 (2008): 407–419.
22. Saltykov-Shchedrin M.E. "Liberal." *Collected Writings*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publisher, 1974, volume 16, book 1, pp. 162–166. (In Russian).
23. Troubetzkoy N.S. "On True and False Nationalism." *History. Culture. Language*. Moscow: Progress Publisher, 1995, pp. 120–125. (In Russian).

Cite MLA 7:

Rastorguev, V. N. "Alexander Panarin's Political Theory and Analytics." *Elektronnoe nauchnoe izdanie Al'manakh Prostranstvo i Vremya [Electronic Scientific Edition Almanac Space and Time. Civilizations in the Age of Globalism: On the Occasion of 75th Anniversary of the Birth of Alexander S. Panarin. Thematic Issue of the Chair of Philosophy of Politics and Law, Philosophical Department of Lomonosov Moscow State University]* 9.1 (2015). Web. <2227-9490e-aprov_r_e-ast9-1.2015.21>. (In Russian).